

К.и.н., ст.н.с. СОИГСИ
С.М. Перевалов

Древние первопроходцы Северного Кавказа*

С.М. Перевалов

История географических открытий неотделима от личностей первооткрывателей новых земель. Северный Кавказ был заселен человеком по крайней мере с раннего палеолита, точнее – с ашельского периода [17, с. 19]. Но память людей дописьменной эпохи не сохранила имен и событий, обладавших хотя бы малой долей достоверности. «О путешествиях в неведомые земли на заре истории мы узнаем, естественно, лишь тогда и только там, где важные события сохранились для последующих поколений в изображениях или письменах» [32, с. 15]. Цивилизованные народы Востока – хетты, ассирийцы, урарты, персы – по разным причинам не оставили свидетельств о стране, лежащей к северу от Кавказского хребта. Первыми здесь, как и во многих других начинаниях, были греки, или, как они сами себя называли, эллины, подлинными учителя человечества, в том числе – в накоплении и развитии знаний о земле в целом (*географии*) и отдельных ее регионах (*хорографии*).

Знакомство греков с землями к северу от Кавказского хребта засвидетельствовано многими античными авторами, начиная со смутного упоминания земли киммерийцев у Гомера (Od. 11.14). Но имен первопроходцев – именно как первооткрывателей новых земель – античная традиция не сохранила. Это при том, что греки рано поняли необходимость определения первых реальных, не мифических, деятелей прошлого. Уже Геродот, чтобы провести грань, отделяющую историю от доистории, использовал выражение «первый из тех, кого мы знаем» – πρῶτος τὸν ἡμεῖς ἴδμεν (Hdt.

1.5.3). Поликрат «первым из эллинов, не считая Миноса» затеял талассократию (Hdt. 3.122.2), фараон Нехао «первым выяснил», что Ливия окружена морем (Hdt. 4.42.2). Для нашего региона такие указания отсутствуют. Вопрос «кто первым из известных по имени людей и когда побывал на Северном Кавказе?» переадресован современным историкам, и настоящая статья является попыткой ответа на него.

Северный Кавказ (или Предкавказье, если смотреть со стороны России) занимает территорию от Кубано-Маньчской впадины на севере до Кавказского хребта на юге, и от Азовского и Черного морей на западе до Каспийского на востоке. Географически (как и экологически) вся эта территория делится на три зоны или области: 1) западную – по среднему и нижнему течению Кубани, 2) восточную, расположенную на Прикаспийской (Дагестанской) низменности, и 3) центральную – на Ставропольской возвышенности [29, с. 33–34; 17, с. 12]. Mutatis mutandis то же тройственное деление применимо при выделении исторических областей. Для периода древности, с учетом лучшей освоенности прибрежной полосы, внутренние (континентальные) границы западной (1) и восточной (2) областей надо сдвинуть в сторону причерноморско-азовского и прикаспийского побережий, за счет чего расширяется центрально-северокавказская (3) область. Условия и причины появления греков в каждой из этих областей весьма различались, поэтому речь у нас пойдет о первопроходцах не Северного Кавказа в целом,

*Статья представляет собой доработанный вариант доклада, зачитанного на конференции Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР) «Греки на Северном Кавказе» в Пятигорске, в июне 2004 г. (Перевалов С.М. Первые эллины на Северном Кавказе // Илиади И.Х. Кавказская Эллада. Ставрополь: Ставропольсервисикола, 2005. Т. II. Приложение 1. Материалы научно-практической конференции «Греки на Северном Кавказе». С. 317–325). Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-37002/Ю.

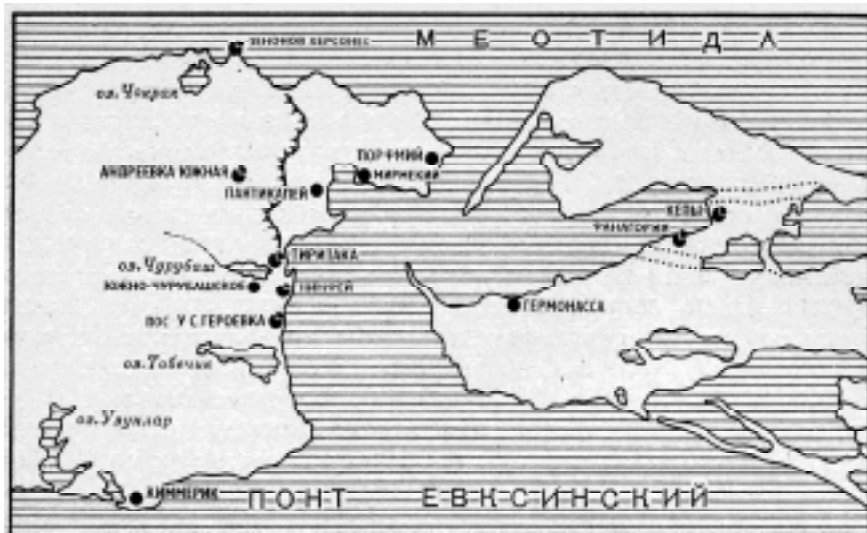

Рис. 1. Боспор Киммерийский в конце VI–первой половине V в. до н.э. [30, с. 27]

а отдельно – Северо-Западного, Северо-Восточного Кавказа и Центрального Предкавказья.

Сведения о далеких землях поступали к носителям античной (греческой, затем греко-римской) цивилизации различными путями: через купцов, послов, путешественников, но главным образом – в ходе переселенческой или военной экспансии. Купцы, помимо того, что не испытывали желания делиться торговыми секретами, в большинстве своем, по словам Страбона, были людьми «необразованными и не пригодными для описания местности» (Strabo 16.1.4). Заслуга открытия и освоения северокавказских областей принадлежала тем, кто решал, как мы сказали бы сегодня, государственные задачи и был наделен соответствующими полномочиями.

Раньше других греки узнали *Северо-Западный Кавказ*. Необходимость освоения этой территории диктовалась потребностями колониационного движения в эпоху Великой греческой колонизации. Продвижение в сторону Кавказа шло двумя путями: вдоль южного и северного берегов Черного моря. Первые поселения на южном побережье (Синопа, Трапезунт) возникли, по-видимому, в VII в. до н.э., если не раньше, с VI в. до н.э. греки обосновались на юго-восточном берегу Черного моря в Колхиде (Диоскуриада, Фасис, Гизнос). Диоскуриада со временем стала крупнейшим торговым центром для кавказских народов (Strabo 11.2.16). А вот проникновение греческих колонистов на Северный Кавказ шло не с юга, а с запада – вдоль берегов Крыма и далее через Керченский (в древности Киммерийский) пролив на Таманский полуостров, в древности представ-

лявший собой остров (Ps.-Scymn. 890; Dion. Per.) или группу островов в дельте Кубани [4, с. 78; 7, с. 248; 12, с. 143]. Поздние легенды говорят о посещении этих мест еще Гераклом (Strabo 11.2.10); первые же достоверные сведения о пребывании греков на Тамани относятся к концу Архаического периода (VIII–VI вв. до н.э.) и связаны с возникновением первых колоний-полисов (*апоикий*).

Древнейшими колониями греков на Таманском полуострове ныне считаются Гермонасса, Кепы («Сады»), Фанагория, основанные в VI в. до н.э. *Кепы*, по свидетельству Псевдо-Скимна (конец II в. до н.э.), основали милетяне (Ps.-Scymn. 899; ср. Plin. NH 6.18), но имен основателей традиция не называет. Для *Гермонассы* мы имеем две основные версии. По одной она являлась ионийским выселком (Dyonys. Per. 552), ойкисом которой назван некий Гермон (Eustath. ad Dionys. Per. 549). Согласно другой версии, приводимой Аррианом, «Гермонасса (названа) по имени Гермонассы, жены некоего Семандра, митиленца, переселившегося в апоикию некоторых эолийцев и скончавшегося при основании города; его жена сделала город себе подвластным и дала ему свое имя» (Arr. Byth. fr. 55 Roos). Этиологический характер этих поздних преданий достаточно очевиден, чтобы усомниться в их верности: по словам С.А. Жебелева, «то и другое показание о названии колонии имеют одинаковую, очень невысокую, реальную ценность» [11, с. 66].

Несколько иной характер носит традиция об основании третьей таманской колонии, *Фанагории* (обычно локализуется на окраине пос. Сенной, см., однако, возражения В.Г. Зубарева: [12, с. 129–130]). Этот, ставший крупнейшим на азиатском Боспоре, город был основан, по Дионисию Перизегету, ионийцами (Dion. Per. 549); в том же комментарии Евстафия к Дионисию назван и основатель города Фанагор. У Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn. 886–889) мы встречаем более точное указание, что этими ионийцами были теосцы. В «Перипле» Псевдо-Скилака среди синдских (!) городов, наряду с Кепами, упомянут «полис Фанагора», где в родительном падеже стоит имя основателя (ойкиста). У Арриана со-

хранилось свидетельство, что Фанагорию основал «теосец Фанагор, бежавший от насилия персов» (Arr. Byth. fr. 55 Roos). Фрагмент Гекатея Милетского (Hecat. fr. 164) о Фанагоре и Фанагории, сохраненный Стефаном Византийским («Город Фанагория, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: остров Фанагора и Фанагория»), обычно относят к другому месту с тем же названием, расположенному южнее [16, с. 95; 25, с. 250; ср. 13, с. 285]: основанием является убеждение в том, что Гекатей проводил границу Европы с Азией не по Танаису (Дону), а по р. Фасис, что, впрочем, не доказано, по крайней мере для его «Землеописания» [21, с. 166–167]. Как бы то ни было, даже столь немногие данные источников позволили многолетнему исследователю Фанагории В.Д. Кузнецову, хотя и в порядке гипотезы, выстроить последовательность событий, приведших к основанию колонии. Ионийский город Теос был взят персидским полководцем Гарпагом при завоевании Киросом Великим ионийского побережья Малой Азии (ок. 546 г. до н.э.). Как сообщает Геродот, его жители в полном составе выселились во фракийские Абдеры, покинутые к тому времени первыми поселенцами из Клазомен (Hdt. 1.168). Поскольку хроника Евсевия датирует заселение Абдер теосцами 543 г. до н.э., примерно та же дата принимается и для основания Фанагории, что подтверждается и археологическими находками второй половины VI в. до н.э. [15, с. 232–233]. В.Д. Кузнецов допускает, что Фанагория могла быть основана теосцами, обосновавшимися в Абдерах,

два–три года спустя, т.е. в конце 540-х гг., возможно – одновременно с реконизацией Теоса. Фанагория считалась «метрополией», *μητρόπολις* (в данном случае лучше переводить как «столица») азиатского Боспора (Strabo 11.2.10. P. 495), из-за чего казалось логичным предполагать, что ее основание предшествовало основанию двух других колоний [11, с. 69], но

археология дает более ранние даты (580–570 гг. до н.э.) как раз для Гермонассы с Кепами [5, с. 370; 14, с. 34]. Но, как сказано, об основателе Кеп традиция молчит, а сведения об основателях Гермонассы признаны ненадежными [11, с. 67; ср.: 5, с. 369]. Фанагор же (историческое имя, засвидетельствованное в милетской ономастике: [10, с. 35]), ставший лидером колонистов в критической ситуации, ойкист и эпоним города, выглядит гораздо более достоверной фигурой [15, с. 233]. Поэтому именно его можно считать первым историческим лицом, действовавшим на северокавказском побережье Керченского пролива.

Северо-Восточный Кавказ – наиболее отдаленная от античной (да и восточной) цивилизации территория. Самый доступный путь к ней с юга проходил по Каспийскому морю, и кандидатов на роль первооткрывателей надо искать среди мореплавателей. Первое имя, которое приходит на ум, – Скилак Кариандский, живший во второй половине VI в. до н.э. (не путать с Псевдо-Скилаком «Перипла обитаемого моря», составленного в IV в. до н.э.). Его упоминает Геродот в следующем контексте: «Большая часть Азии открыта при Дарии, который, желая узнать, где впадает в море река Инд – вторая из всех рек, где водятся крокодилы, – посылает на кораблях людей, в правдивости которых он был уверен, и среди них Скилака из Карианды» (Hdt. 4.44.1). Индийское путешествие датируется в пределах 519–512 гг. [32, с. 138; 28, с. 13]. На основе отчета царю Скилак составил сочинение, которое

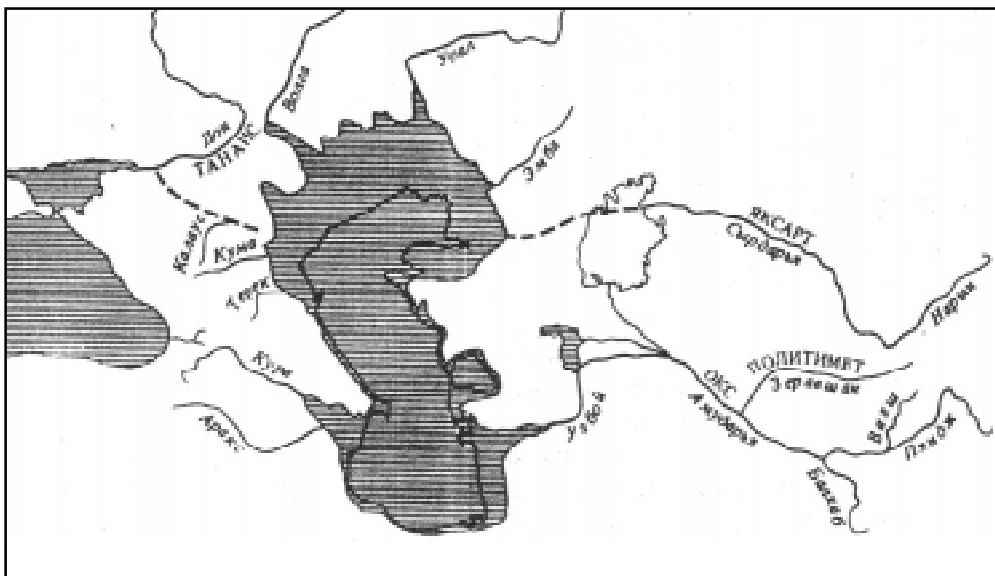

Рис. 2. Гидрография Прикаспия на рубеже IV–III вв. до н.э., лежащая в основе представлений Патрокла, Эратосфена и Страбона. Реконструкция С.Н. Муравьева [21, с. 142].

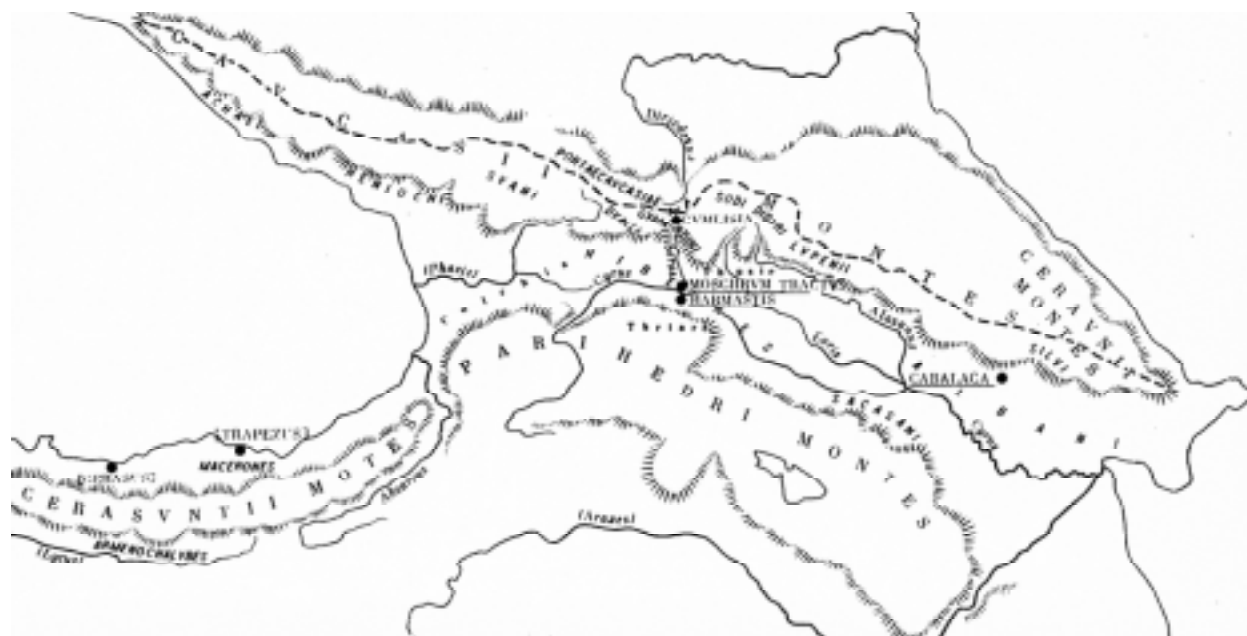

Рис. 3. Карта Кавказа по Плинию Старшему (Hist. Nat. 6. 29–30) [20, с. 158]. Portae Caucasiae – Дарьял, Diricdonus – Терек.

до нас не дошло, поэтому о маршрутах его путешествия помимо Индии мы вынуждены судить на основании косвенных данных у Гекатея, Геродота, Псевдо-Скилака. Был ли Скилак на Каспии? Изыскания, проведенные при Дарии, установили, что Азия, подобно Ливии, окружена морем с трех сторон, кроме восточной (Hdt. 4.44.3). Это дает основание некоторым исследователям «полагать, что Скилак объехал все, считавшиеся «естественными», границы владений персидских «царей Азии» и плывал не только в Эрифрейском, но и в Каспийском, Эвксинском и Средиземном морях» [28, с. 12]. Но даже в этом случае можно говорить лишь о южной и юго-восточной части Каспия. У зависящих от Скилака Геродота и Гекатея можно найти указания на лесистость гирканского побережья [28, с. 17], но никаких, свидетельствующих об автопсии, деталей местностей севернее Гиркании они не приводят. Пребывание Скилака на восточном побережье Северного Кавказа, таким образом, следует считать недоказанным.

Условия для новых экспедиций в кавказском направлении подготовили походы Александра Македонского на Восток (334–324 гг. до н.э.). Сам Александр на Кавказе никогда не был, хотя в поздней литературно-романтической традиции ему приписывалось возведение здесь укреплений, т.н. «Железных ворот», против северных народов в районе Дарьяла, либо Дербента [24]. Исторического Александра и его преемников-диadoхов интересовал не столько Кавказ, сколько Каспий как воз-

можный морской путь в Индию (Arr. Anab. 4.15.5–6). По возвращению из индийского похода (323 г. до н.э.) Александр поручил некоему Гераклиду, сыну Аргея, строить на гирканском (южном) берегу Каспийского моря корабли для разведки возможного выхода к океану (Arr. Anab. 7.16.2): приготовления были прерваны ранней смертью царя. Спустя четыре десятка лет (ок. 285–281 гг. до н.э.) предприятие было осуществлено по заданию Селевка I Никатора правителем восточных областей Селевкидской державы Патроклом (о нем см.: [35]), составившем ныне утраченное описание своего плавания («Перипл») на греческом языке, отдельные фрагменты которого были использованы Эратосфеном (III в. до н.э.), а затем Страбоном. Из труда последнего (Strabo 2.1.17 и др.) известно, что Патрокл обследовал акваторию Каспия в северо-восточной его части и пришел к ошибочному выводу, что Каспийское море соединено с Восточным океаном. Высказывались разнообразные мнения о причинах такой ошибки [28, с. 59–64], обсуждение которых не входит в задачу статьи. Обратимся к другой проблеме. Патрокл обследовал и западный берег Каспия вдоль Кавказской Албании. Как далеко?

Точных данных о том, какой крайней северной точки он достиг, нет. Страбон приводит данные, через Эратосфена восходящие к Патроклу [19, с. 237], по которым протяженность побережья Каспийского моря от северной границы страны албан до р.Окса (Узбоя) составляет: «вдоль

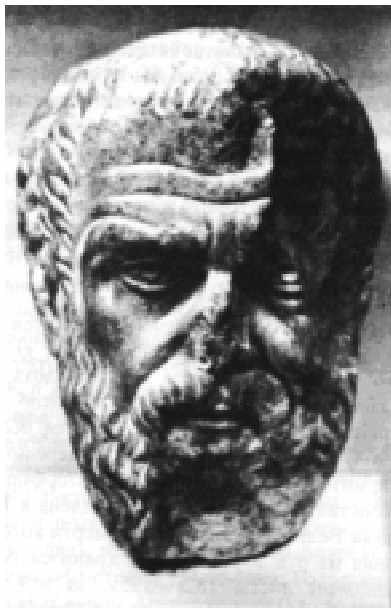

Рис. 4. Флавий Арриан (с двойной гермы из Национального музея в Афинах) [36, S. 142. Abb. 26].

албан и кадусиев – 5400 стадиев, вдоль анариакров, мардов и гиркан до устья реки Окс – 4800» (Strabo 11.6.1). Нас интересует «страна албан». Плиний (NH 6.36), ссылаясь на Эратосфена, говорит, что размеры моря указаны для востока и юга (ad exortu et meridie), причем «берег вдоль Кадусии и Албании – 5300 стадиев». Следовательно, по

представлениям древних, Албания располагалась не на западном, а на южном берегу Каспия. Это одна неувязка. Далее. Общая протяженность южного берега Каспия должна была составлять $4800+5400=10200$ стадиев (эратосфеновых, по 157,5 м), т.е. 1606,5 км. Можем ли мы на этом основании судить о том, что Патрокл посетил каспийское побережье нынешнего Дагестана? Расчеты затрудняет сильная, по С.П. Муравьеву, на 40–50 м выше нынешнего уровня, трансгрессия каспийского побережья в III в. до н.э. [19, с. 239, 246; 21, с. 141–144], что делает шаткими все выводы, полученные арифметическим путем. Страбон в комментарии к этому месту (11.6.1) предупреждал, что «сообщения об этой части Азии и о столь отдаленных странах не следует понимать слишком точно, особенно когда речь идет о расстояниях» (Пер. Г.А. Стратановского). Поэтому лучше обратиться к сведениям другого рода. Одно из них я считаю решающим. По словам Плиния, «цезарь Клавдий оценивал расстояние от Киммерийского Боспора до Каспийского моря в 150 миль и добавил, что Селевк Никатор собирался прорыть его [канал], как раз в то время, как был убит Птолемеем Керваном» (Plin. NH 6.31). Рыть канал к Керченскому проливу можно было, естественно, только к северу от Кавказского хребта. Самым вероятным автором этого амбициозного проекта считается Патрокл [35, Sp. 2264; 21, с. 166]. Сообщение Плиния, независимо от того, считать планы Селевка причиной или следствием эк-

спедиции [28, с. 57], подкрепляет предположение о том, что Патрокл несомненно побывал в северных, ближайших к Азовскому морю, водах Каспия и обследовал прилегающие к берегу территории.

С распадом державы Селевкидов и возникновением местных государственных образований Закавказья – Великой Армении, Иберии (Грузия), кавказской Албании – греки утратили контроль за прикаспийскими территориями и потеряли доступ к Северо-Западному Кавказу; новая сила античного мира, римляне, не смогли или не захотели его восстановить. Даже полтысячелетия спустя великий ученый древности Клавдий Птолемей (II в.н.э.), при составлении своей карты Каспийского региона, был вынужден пользоваться в основном данными, добытыми экспедицией Патрокла [19].

Центральное Предкавказье, будучи внутренним районом Северного Кавказа, долее всех оставалось «неведомой землей» (terra incognita). Население этой области, значительно отличавшееся по материальной культуре как от западных, так и от восточных соседей [1, с. 5], не имело прямых выходов к классическим цивилизациям Востока и Запада. Контакты с племенами центрального Северного Кавказа у жителей эллинизированных областей осуществлялись при посредничестве Армении, Иберии, Албании. Лишь с приходом римлян стала приоткрываться завеса тайн над страной, которую все еще воспринимали мифологически как место, где был прикован Прометей. Страбон (1.2.1) связывает распространение положительных знаний об этом регионе с событиями III Митридатовой войны (74–63 гг. до н.э.). В ходе кампаний против иберов и албан Помпей в 65 г. до н.э., а затем и Канидий (полководец Марка Антония) в 36 г. до н.э. приближались с юга к Большому Кавказскому хребту, но так и не пересекли его. Историки этих войн Феофан Митиленский и Квинт Деллий, хотя и оставили подробные отчеты о походах, описывали местности по «ту», северную сторону Кавказа не как очевидцы, а со слов местных жителей [3; 8, с. 86–90].

Первое сохранившееся в наших источниках свидетельство о появлении римских отрядов на территории Центрального Предкавказья относится к 136 г.н.э.; первым известным по имени историческим деятелем, преодолевшим Кавказский хребет, стал Флавий Арриан, вифинский грек из Никомедии, знаменитый историк и писатель, сделавший успешную государственную карьеру при императоре-филэллине Адриане (117–138 гг.). Будучи на-

местником (в ранге императорского легата) провинции Каппадокия (131–137 гг.), Арриан в 136 г. отразил опасное вторжение северокавказских аланов, опустошивших Албанию, Мидию, а затем напавших на Армению (вассал Рима) и Каппадокию (Dio Cass. 69.15.1). Мобилизовав значительные (до 20 тыс. чел.) силы, перечисленные затем в его «Диспозиции против аланов», Арриан вынудил обремененных добычей аланов отступить на свою родину (см.: [26]).

Распространено мнение, что кампания Арриана против аланов ограничилась своего рода «демонстрацией силы» на восточных границах Каппадокии [22, с. 174], где-то в верховьях Евфрата. Однако в нашем распоряжении есть два источника, свидетельствующие о том, что война с аланами продолжалась и завершилась походом Арриана к кавказским «Каспийским воротам» (тогдашнее обозначение Дарьяльского прохода). Первое сообщение принадлежит известному ритору и администратору второй половины IV в. Фемистию, который в своей речи «Против обвинителей по поводу принятия должности» (384 г. н.э.) назвал Арриана (*Ἀρριανός*) в числе тех римских полководцев, которые «пересекали Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении, учреждали границы иберам и албанам, при этом добивались должностей эпонимных консулов» (Them. Or. 34.8). «Пересечь Каспийские ворота» с юга означает оказаться на территории Владикавказской равнины, нынешней Северной Осетии. Второе свидетельство оставил византийский чиновник и писатель VI в. Иоанн Лид в работе «О должностях государства римского». Завершив характеристику стратегического положения тех же Каспийских ворот, он добавляет: «Самое точное их (Каспийских ворот. – **С.П.**) описание дал Арриан в «Аланской истории», и особенно – в восьмой книге «Парфики», когда побывал в этих местах в должности управляющего всем регионом» (Ioan. Lyd. De magistr. 3.53.1). Тот факт, что изложение Арриана считалось лучшим еще четыре столетия спустя, говорит о том, что обследование Каспийского (Дарьяльского) прохода было проведено им со всей тщательностью и на всем протяжении «Каспийской дороги», не исключая северного входа.

Сомнения некоторых историков в верности сообщений Фемистия и Иоанна Лиды [37, р. 200] выглядят преувеличенными. Проблемы с их интерпретацией, хотя и существуют, не так уж велики. Фемистий ошибочно причисляет к полководцам, «пересекавшим Каспийские ворота», кроме

Арриана, еще и Квинта Рустика (ординарный консул 162 г.), и датирует ординарное («эпонимное») консульство Арриана не ранее года войны с аланами, хотя в действительности Арриан был не ординарным консулом, а суффектом, и не в 136 г., а в 129 или 130 г. Лид датирует осмотр Аррианом Каспийских ворот временем «Траяна» (император 98–117 гг.), что может быть просто следствием сокращения полного имени Элия Траяна Адриана, императора 117–138 г. В целом же исторический контекст передан верно, и сообщения обоих авторов заслуживают того, чтобы, после проведения необходимых критических процедур, отнестись к ним как к полноценным источникам. Фемистий правильно увязал прохождение войск Арриана через Армению к Дарьялю с преследованием аланов. Как наместник Каппадокии, Арриан должен был принять меры по урегулированию иберо-албанских пограничных споров [38, р. 69]. Лид привел точные названия двух сочинений Арриана, в которых содержится описание Каспийских ворот, – «Аланика» и «Парфика», причем для второй работы указал и книгу (8-ю). С учетом всех деталей, факт пребывания Арриана на территории Центрального Предкавказья, а именно – нынешней Северной Осетии, у выхода из Дарьяльского ущелья, представляется более чем вероятным [34, р. 229–232; 24; 2, с. 160].

Фанагор для черноморского побережья Северного Кавказа, Патрокл – для каспийского, Арриан – для Центрального Предкавказья могут считаться первопроходцами этих земель в свете тех данных, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Надолго ли, покажет день грядущий.

Последний вопрос, несущественный для исторической географии, но немаловажный для исторической биографии: как выглядели первооткрыватели? Осторожное предположение В.Ф. Гайдукевича о том, что на фанагорийской монете IV в. до н.э. изображен Фанагор [6, с. 582, № 14], не подтвердилось: вероятно, это изображение одного из кабиров. Портретов Патрокла не обнаружено. А вот в лицо Арриана мы можем заглянуть. В Афинском Национальном музее хранится двойная герма (Glypta 538) с изображением Ксенофонта Старшего (Афинского) и Арриана, идентифицированного на основании прозвища, полученного при жизни – «Ксенофонт Младший» [см. 23, с. 291–292]. Портрет поврежден, и тем не менее прекрасно передает физический облик человека, который, по словам Иоанна Лиды, «стяжал великую славу на службе государству как словом, так и делом» (Ioann. Lyd. De mag. 3.53.1).

Литература

1. **Абрамова М.П.** Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.—IV в. н.э.). — М., 1993. 240 с.
2. **Алемань А.** Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М.: Изд-во «Менеджер», 2003. 608 с.
3. **Виноградов В.Б.** Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1–8) // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Сер. общ. наук. 1975. № 4. С. 36–43.
4. **Виноградов Ю.А.** Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (VI–IV вв. до н.э.) (Некоторые аспекты изучения) // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 77–88.
5. **Виноградов Ю.Г.** Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. — М.: Наука, 1983. С. 366–420.
6. **Гайдукевич В.Ф.** Боспорское царство. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.
7. **Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.** К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // Проблемы истории, филологии, культуры. — Магнитогорск; М. Вып. 12. 2002. С. 248–257.
8. **Грацианская Л.И.** «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. — М.: Наука, 1988. С. 6–175.
9. **Диатропов П.Д.** Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.: «Индрик», 2001. 160 с.
10. **Древняя Русь** в свете зарубежных источников. — М.: ИК «Логос», 1999. 608 с.
11. **Жебелев С.А.** Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.
12. **Зубарев В.Г.** Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной традиции // Древности Боспора (ДБ). 2. — М., 1999. С. 123–146.
13. **Качарова Д.Д., Квицилия Г.Т.** Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). — Тбилиси: Мецниереба, 1991. 656 с.
14. **Кузнецов В.Д.** Ранние апоикии Северного Причерноморья // Античный мир и варвары Евразии. Краткие сообщения института археологии (КСИА). Вып. 204. — М.: Наука, 1991. С. 31–37.
15. **Кузнецов В.Д.** Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 4. — М., 2001. С. 227–236.
16. **Куклина И.В.** Этнография Скифии по античным источникам. — Л.: Наука, 1985. 206 с.
17. **Марковин В.И., Мунчаев Р.М.** Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. — Тула: Гриф и К, 2003. 340 с.
18. **Муравьев С.Н.** Птолемева карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // Вестник древней истории. — 1983. № 1. С. 117–147.
19. **Муравьев С.Н.** Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. — М.: Наука, 1988. С. 235–247.
20. **Муравьев С.Н.** Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // Вестник древней истории. — 1988. № 3. — С. 156–161.
21. **Муравьев С.Н.** Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта и уровень Каспия в VI–III вв. до н.э. // Mathesis. Из истории античной науки и философии. — М.: Наука, 1991. С. 115–175.
22. **Нефёдкин А.К.** Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. — Кишинев, 1999. № 3. С. 173–188.
23. **Первалов С.М.** «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // Древнейшие государства Восточной Европы (ДГ). 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопр. источниковедения. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 283–315.
24. **Первалов С.М.** Арриан у ворот Кавказа // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). Вып. 10. — Магнитогорск; М., 2001. С. 282–289.
25. **Первалов С.М.** Железные ворота Александра: легенда и действительность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Паушто. — М., 2002. С. 174–178.
26. **Первалов С.М.** Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. — М.: Наука, 2005 (в печати).
27. **Подосинов А.В.** Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // Древнейшие государства Восточной европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. — М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 237–252.
28. **Пьянков И.В.** Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. — М.: «Вост. лит.», 1997. 343 с.
29. **Темботов А.К., Темботова Ф.А.** Интеграция зональных и поясных факторов в горах Кавказа и ее биологический эффект // Научная мысль Кавказа. — 1996. № 4. С. 33–40.
30. **Толстиков В.П.** К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI–первой половине V в. до н.э.) // Вестник древней истории. — 1984. № 3. С. 24–48.
31. **Федосеев Н.Ф.** Переправа через Боспор Киммерийский // Вестник древней истории. — 1997. № 4. С. 100–110.
32. **Хенниг Р.** Неведомые земли. Т. I. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 515 с.
33. **Alemanu A.** Sources on the Alans: A Critical Compilation. — Leiden; Köln: Brill, 2000.
34. **Bosworth A.B.** Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology. — 1977. 81. P. 217–255.
35. **Gisinger F.** Patrokles (5) // Paulys Real-Encyclopädie des Klassischen Altertumswissenschaft. Hbbd. 36. — Stuttgart, 1949. Sp. 12263–2273.
36. **Minakaran-Hiesgen E.** Untersuchungen zu den Porträts des Xenophon und Isokrates // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. — 1970. Bd. 85. S. 112–157.
37. **Syme R.** The Career of Arrian // Harvard Studies in Classical Philology (HSCP). — 1982. 86. P. 181–211.
38. **Wheeler E.L.** A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 6–7. 1994–96. — 1997. P. 51–78.

